

Чайковский Денис Витольдович

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВЛАСТИ

В работе исследуется манипулятивный дискурс - ключевой инструмент властного влияния. Обосновывается властная функция языка. Анализируются основные технологии языкового влияния как составные элементы манипулятивного дискурса. Показывается взаимосвязь понятий "дискурс" и "идеология", и раскрывается их роль в процессах воспроизводства власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 185-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

THE CLASSIFICATIONS OF THE LEGAL GUARANTEES OF A PERSON'S LEGAL STATUS

Natal'ya Yur'evna Tsyganova

Department of State and Law Theory and History
Yaroslavl' State University named after P. G. Demidov
ny.tsyganova@mail.ru

The author covers different classifications of the legal guarantees of a person's legal status, comments on some of them and gives concrete examples of certain classifications.

Key words and phrases: person's legal status; rights; liberties; liabilities; legal guarantees.

УДК 316.462:316.772.4:81

В работе исследуется манипулятивный дискурс – ключевой инструмент властного влияния. Обосновывается властная функция языка. Анализируются основные технологии языкового влияния как составные элементы манипулятивного дискурса. Показывается взаимосвязь понятий «дискурс» и «идеология», и раскрывается их роль в процессах воспроизводства власти.

Ключевые слова и фразы: власть; дискурсивный символизм; дискурс; манипуляция; язык; идеология.

Денис Витольдович Чайковский, к. филос. н.

Кафедра социологии, психологии и права

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

dnavit@tpu.ru

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВЛАСТИ®

Исследование выполнено при поддержке гранта по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», 2009-2013 гг.

Власть – коммуникативный феномен. Эта коммуникативность связана с возможностью создания властью своего символического универсума, включающего в себя необходимые системы символов и соответствующие системы их интерпретации. Особенно это актуально в современном мире – мире средств массовой информации и массовой коммуникации.

Семиотика как наука о знаках позволяет нам выделить в символизме презентационную и дискурсивную составляющие [8, с. 73-93]. Презентационный символизм власти предполагает существование символов, не имеющих языковой формы. Они существуют одновременно и схватываются в акте восприятия как единое целое. Именно целостное восприятие этих символов позволяет наблюдателю узнавать власть и истолковывать ее в качестве таковой. Можно говорить, что власть презентует себя через совокупность своих атрибутов, выраженных, как правило, в знаково-символическом виде. Таким символом власти может выступать, например, одежда. Власть может подчеркиваться специальными символами – инсигниями (скипетр и держава). В качестве знака власти можно воспринимать речь, походку, позы человека. В ряде случаев знаками власти являются время и пространство. Символами власти являются чины и должности, научные степени и специальные звания.

Дискурсивный символизм в отличие от первого предполагает последовательное восприятие различных элементов – символов. Данный вид символизма ассоциирован в первую очередь с понятием дискурса. Сам термин «дискурс» в современной гуманитарной мысли наделяется широким диапазоном значений. Чаще всего он определяется как любая связная речь (диалог) или как «целостная совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [10, с. 86]. Дискурс – это язык во всем многообразии своего применения. Применимо к власти дискурс – это мощнейший инструмент, посредством которого власть достигает своих целей.

В рамках данной статьи мы остановимся только на дискурсивном символизме власти, а конкретнее – попытаемся понять, как посредством манипулятивного дискурса осуществляется воспроизводство власти.

Как известно, манипуляция есть технология воздействия на поведение объекта через скрытое инвестирование в его сознание смыслов, ценностей, мнений и концептов, необходимых власти. Как было сказано, не последняя роль в этом отводится языку. В самом языке, в его природе изначально заложена властная функция. В широком понимании любое высказывание есть ретрансляция властных отношений, где каждое предложение есть упрощенный образ власти. В предложении «всегда существует *подлежащее*, которое является неизменным и главным, выполняет функцию “суверена”, “властной инстанции”... наличествует *сказуемое*,

которое представляет собой действие, исходящее из этого “суверенного” подлежащего, или его состояние... имеются “подданные” (или объекты), на которых подлежащее оказывает свое воздействие – дополнения» [5].

Как отмечал Р. Барт, язык – это средство классификации, а всякая классификация есть способ подавления. Классифицируя, мы структурируем реальность в определенных оппозициях: субъект – объект, мужчина – женщина, хорошее – плохое. Благодаря подобной поляризации мы эксплицитно создаем цепь последующих исключений, невозможных в языке. Тем самым язык становится общеобязательной формой принуждения, предполагающей его употребление лишь в «правильной» форме. По словам Барта, язык – это фашист, «ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто» [2, с. 549].

В каждом языковом действии происходит воспроизводство его властных функций. «Выразиться “нейтрально” оказывается невозможно», – провозглашает Р. Блакар [3, с. 91]. Любое языковое выражение по своим последствиям несет воздействующий эффект, т.е., по сути, реализует власть языка. В основе любого высказывания лежат определенные цели и конкретные интересы, причем необязательно рефлексивно осознаваемые. Сам язык задает параметры структуризации и конструирования, подсознательно применяемые субъектом речи. С пленок человек становится «соучастником» этой властной функции языка, т.к. «в каждом правильно составленном и верно понятом, расшифрованном предложении заложен сценарий управления, подчинения, иерархии, неравенства» [5].

Имплицитная способность языка оказывать влияние используется властью для *конструирования* манипулятивного дискурса. «Когда люди хотят достичь власти, они действуют в соответствии со своими представлениями о том, как добиться наибольшей власти. Поэтому используемые ими символы (слова и образы) оказывают влияние на власть, поскольку воздействуют на представления о власти», – пишет Г. Лассуэлл [9, с. 279]. Умело применяя язык, власть с легкостью «жонглирует» понятиями, категориями, идеями, трансформируя существующие концепты в свою пользу.

Простейшим методом языкового влияния является использование нужных выражений и слов. В свое время Ф. де Соссюр сформулировал ключевой принцип семиологии: означающее и означаемое жестко не связаны друг с другом. Существующий в конкретном обществе способ их ассоциирования основан на традициях, коллективной привычке либо на соглашении. Соответственно, означающее немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи [12, с. 70-71]. Соссюр отметил множество потенциально возможных следствий этого принципа, из которых нас интересует, прежде всего, то, что означающее может наделяться дополнительными коннотациями, не совпадающими с изначальным денотатом. Означающее способно широко варьировать диапазон своих значений в зависимости от наличного контекста, способностей интерпретатора и целей говорящего.

Другими словами, язык содержит потенциальную возможность подмены смыслов и понятий, что и использует власть в манипулятивном дискурсе для достижения своих целей. Наиболее явно это проявляется подбором соответствующих эвфемизмов. Яркий пример изменения смысла языковым манипулированием приводит В. Чернявская, анализируя тексты времен третьего рейха. В пропаганде нацистской Германии *массовые казни (Massenhinrichtungen)* именовались как «*особые действия*» (*Sonderaktionen*), «*особое обращение*» (*Sonderbehandlung*), *беженцы (Flüchtlinge)* – как *переселенцы (Umsiedler)*; *истребление народов*, в том числе евреев, получило название «*окончательное решение еврейского вопроса*» (*Endlösung der jüdischen Frage*). То, что оппозиция считала *реакционным (reaktionär)*, оказывалось в контраргументах национал-социалистов *консервативным (konservativ)*, сохраняющим традиции. Распоряжением Геббельса погибшие немецкие солдаты должны были именоваться как *убитые (ermor-detete)*, а не *павшие (gefallene)* [13, с. 81-82].

Подобная тактика применяется властью и сегодня. Например, оборот *чеченские повстанцы*, широко используемый в Западной прессе против *чеченские сепаратисты, незаконные бандформирования*, применяемых российскими СМИ; *кровавая война на Северном Кавказе* против *контртеррористической операции*. Выбор соответствующего слова определяет эмоциональную окраску, что приводит к изменению оценки события.

Эффект многократно усиливается при регулярном повторении подобранного выражения. Чем чаще повторяется исходный тезис, тем с большей надежностью усваивается содержащаяся в нем информация. Бомбардировка сознания регулярно повторяющимися концептами способна сломить любой, даже «критически настроенный» барьер. Это опять же прекрасно знал Йозеф Геббельс: «Обыкновенные люди обычно гораздо более примитивны, чем мы воображаем. Поэтому пропаганда, по существу, всегда должна быть простой и без конца повторяющейся. В конечном счете самых существенных результатов во влиянии на общественное мнение достигнет только тот, кто способен свести проблемы к простейшим выражениям и у кого хватит смелости постоянно повторять их в этой упрощенной форме, несмотря на возражения интеллектуалов» [1].

Другой метод языкового воздействия связан с созданием новых слов. Появления новояза – во многом естественный процесс, так как язык является динамично развивающейся системой. Примером могут являться составные слова, созданные по принципу блендинга или телескопии (сетикет, сексоголик и т.д.) [11, с. 283-287], усиливающие в результате подобного сложения свою смысловую нагрузку. Сюда же следует отнести обороты из молодежного новояза, получившего широкое хождение в сети Интернет («Аффтар жжет», «Пиши исчо» и т.д.). В обоих случаях новая словоформа приобретает более насыщенное эмоциональное значение, что придает ей преференции по сравнению с традиционным языком.

Но не стоит забывать, что смена языка – это мощнейшее орудие власти. Реализуясь с помощью языка, власть стремится взять его под свой максимальный контроль. Она организует и изменяет язык, подстраивая его структуру под свои цели. «Тот, кто обладает властью (положением), в значительной степени определяет

употребление и значение слов и выражений (инструментов власти)» [3, с. 113]. С заменой слов происходит разрушение старых смыслов и распространение новых, выгодных манипулятору, наделяющему в зависимости от цели воздействия новые слова положительной или отрицательной эмоциональной окраской. Каждая революция начинала свою работу по созданию нового мира с изменения языка, включая изменения названия календарных месяцев (французский республиканский календарь) и имен собственных (Оюшминальд, Владлен). Сегодня использование этого метода влияния также несложно обнаружить в манипулятивном дискурсе власти. Одним из примеров являются слова амебы, о которых упоминает С. Кара-Мурза. «Они настолько не связаны с конкретной реальностью, – пишет он, – что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*)» [7]. Подобные слова призваны разрушать язык, создавая смысловой вакуум и подготавливая почву для экспансии необходимых смыслов.

Таким образом, подбирая слова и выражения, создавая новые слова, используя выгодную грамматическую форму и нужную последовательность слов, применяя эмфазу и варьируя тон голоса, задавая имплицитные исходные предпосылки [3], субъект власти может достигать своей цели по кратчайшей траектории. Учитывая роль современных СМИ как усилителей сообщения, можно утверждать, что у адресатов воздействия практически не существует возможности скрыться от всепроникающей силы языка власти.

Еще большие возможности для информационно-коммуникативного воздействия содержат комбинированные средства влияния, сочетающие в себе зрительные, аудиальные и иные эффекты. С помощью них агенты власти «вкладывают» в сознание аудитории нужные ей смыслы. Транслируемое сообщение призвано не просто информировать слушателя о том или ином событии. Подобранный нужным образом видеоряд, наложенное «правильное» звуковое сопровождение воздействует, прежде всего, на его эмоциональную сферу. Эмоции – гораздо более эффективный проводник, чем логика и критическое рассуждение. Чем более эмоционально накалено сообщение, тем быстрее и эффективнее будут достигнуты цели манипулятора.

Воздействуя на эмоциональную сферу объекта, власть активирует его воображение и запускает механизм ассоциирования нужных власти смыслов с позитивным или негативным опытом индивида. В результате сообщение вырабатывает у получателя потребность совершать некие действия, «оно не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, чего желают другие, оно заставляет его хотеть это сделать» [Цит. по: 7].

Чтобы информационный продукт достиг максимального числа адресатов, СМИ, используя шаблонные конструкции, упрощают сообщение, подгоняют его под устойчивый стереотип. Стереотип есть упрощенный стандартизированный образ или набор представлений, обладающий высокой эмоциональной окраской. Все человеческое мышление в той или иной степени стереотипизировано. Существуют стереотипы поведения, общения, красоты, успешности, здоровья и т.д., которые регулярно воспроизводятся в социальной жизнедеятельности. Эмоциональная нагруженность стереотипов делает их использование в манипулятивном воздействии чрезвычайно эффективным. Стереотипы могут возникать в результате предшествующего личного жизненного опыта, но чаще стереотипы искусственно конструируются в процессе информационного влияния. Регулярное повторение некоего концепта оформляется в сознании как стереотип и в дальнейшем воспринимается как данность, без критического анализа сути. Ярким примером являются рекламные («Добавляйте *Calgon* при каждой стирке») и политические («Россия для русских») слоганы. Теория имиджа целиком и полностью построена на стереотипах. Сконструированный имидж политика воспроизводит устоявшиеся стереотипы успешной личности, выражающиеся в образах эффективного руководителя или крепкого хозяйственника.

Разновидностью стереотипов выступают метафоры, применяемые как для усиления эффекта сообщения, так и для скорейшего достижения цели манипулятивного воздействия. Метафоры, как и любой поэтический язык, гораздо более эффективны там, где необходимо подменить критический взгляд на проблему ее эмоциональной нагруженностью. По сути, метафора есть поэтизированный шаблон, в рамках которого замыкается мышление объекта манипуляции. Она призвана воспроизводить в воображении необходимые образы и провоцировать соответствующую реакцию. Умелое использование метафор не только делает речь более яркой и насыщенной, но и обеспечивает манипулятивный эффект, способствуя возникновению нужных ассоциаций и усыпляя бдительность за яркостью образов.

Пример использования метафор был продемонстрирован в информационном освещении грузинским руководством событий августа 2008 г. Если российское освещение данных событий было ориентировано (по крайней мере, в первые дни) на российскую аудиторию, то речи грузинского президента изначально были нацелены на западного слушателя. При этом, как отметили исследователи, М. Саакашвили использовал метафоры, вызывающие у западной аудитории заведомо романтические образы. «Он сравнил, например, Грузию с “городом на холме”, то есть с идеальным государством, которое было мечтой американских отцов-основателей, где царят закон и благополучие» [6].

Таким образом, власть в информационном мире – это поле борьбы языковых конструкторов, объявляющих истинным свой вариант реальности. Язык создает реальность в той логике, которая требуется власти. Собственно, своим существованием реальность обязана языку. Язык власти призван внедрить в общественное сознание определенные ценности, смыслы, концепты, которые рекомбинируются в манипулятивном дискурсе власти и обретают новые интерпретации. Дискурс власти обеспечивает ее идеологию, не зря их связь сегодня уже достаточно твердо закреплена в философской мысли. Многие авторы (в особенности постмодернистского направления) вообще не делают принципиальных различий между понятиями «дискурс» и «идеология». Отталкиваясь от идей Луи Альтюссера, французского философа-марксиста, они напрямую сопоставляют эти

два понятия. Альтюссер отмечал, что идеология есть «выражение пережитого отношения людей к условиям их существования», что это выражение «никогда не является познанием и всегда включает в себе нечто вообразимое» [4, с. 115]. Именно через идеологию власть обеспечивает свое воспроизводство. Как следствие, дискурсивный символизм в данном контексте может рассматриваться в качестве некоего ограничителя социально-коммуникативных практик, как эффективный инструмент властного воздействия по конструированию идентичности и в целом выгодной власти картины реальности.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/EpohProp/index.php (дата обращения: 25.05.2011).
2. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-119.
4. Декомб В. Современная французская философия. М.: Весь мир, 2000. 344 с.
5. Дугин А. Философия политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=1209> (дата обращения: 25.05.2011).
6. Журавлев А. Уроки информационной войны на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7581000/7581065.stm (дата обращения: 25.05.2011).
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm> (дата обращения: 25.05.2011).
8. Лангер С. Философия в новом ключе. М.: Республика, 2000. 287 с.
9. Лассуэл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 264-279.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
12. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
13. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с.

MANIPULATIVE DISCOURSE AS AUTHORITY REPRODUCTION MEANS

Denis Vitoldovich Chaikovskii, Ph. D. in Philosophy
Department of Sociology, Psychology and Law
National Research Tomsk Polytechnic University
dnavit@tpu.ru

The author researches manipulative discourse – the key instrument of authoritative influence, substantiates authoritative function of language, analyzes the basic technologies of language influence as the components of manipulative discourse, shows the interconnection of the notions “discourse” and “ideology” and reveals their role in authority reproduction processes.

Key words and phrases: authority; discursive symbolism; discourse; manipulation; language; ideology.

УДК 94(571.54)

Статья посвящена формированию речных путей сообщения в Восточной Сибири. Приводятся данные о роли судоходства в перевозке казенных и купеческих товаров. Особое внимание уделяется транзитным перевозкам, обеспечивающим развитие российско-китайской торговли. Отмечается также, что, несмотря на увеличение перевозок по дорогам и трактам Сибири в первой половине XIX в., речной транспорт продолжал оставаться ведущим.

Ключевые слова и фразы: Восточная Сибирь; судоходство; речной транспорт; судовладельцы; грузоперевозки.

Вадим Петрович Шахеров, к.и.н., доцент
Кафедра истории России
Иркутский государственный университет
wodalish@yandex.ru

РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[©]

Основные транспортные пути Восточной Сибири определились на рубеже XVII-XVIII вв. В условиях полного бездорожья, наличия огромных лесных массивов, малочисленности населения естественными магистралями служили сибирские реки. Сама гидрография сибирского края содействовала процессам колонизации и хозяйственного освоения. Территорию Восточной Сибири пересекали с юга на север такие крупные